

КНИГА Документальный РОМАН

Перед началом сезона в Москве появилась книжка «Андрей Миронов и я».

Бывшая актриса Театра сатиры, а ныне автор уже семи пьес Татьяна Егорова написала документальный роман о своей многолетней любви с Андреем Мироновым — с фактами, подробностями, именами, которых невозможно не узнать, особенно тем, кто в 60 — 70-е увлекался сценой, тогда заменившей все. Актеры, подобные Миронову, казались отмеченными Богом.

Мы не приучены к откровенности, и потому стремление автора изобразить жизнь родного театра такой, какой она ей представлялась, далеко не безупречно по части вкуса и не только. Ну не по-божески описывать былые любовные похождения девятидесятилетнего (юбилей как раз недавно отметили) режиссера и алчность его восьмидесятипятилетней жены, которая к тому же больна, да еще делать это, не слишком выбирая слова. Не стоит, как ни тяжела обида, сводить счеты с товарками. И все-таки «любовная драма жизни», как в духе горьковской Насти озаглавила свою книгу Егорова, — это вовсе не бульварное чтиво, каким поспешили объявить его и желтые газеты, и задетые актеры. Это любопытное свидетельство времени и, что вне всякого времени, пронзительная и искренняя история любви.

Писатель Александр Кабаков остроумно заметил, что улицу Горького переименовали в Тверскую как раз тогда, когда умерли те, кто еще помнил ее Тверской. Так вот, книгу Егоровой взалеб прочтут те, кто шел в свое время по улице Горького на площадь Маяковского (теперь Триумфальную), чтобы рано утром, когда еще темно, занять очередь в кассы предварительной продажи билетов в «Современник», Театр им. Моссовета и Театр сатиры. Это было очень удобно — бегать от кассы к кассе и заходить греться в метро. Именно в ту эпоху жил Магистр (так в книге назван Марк Захаров), который поставил знаменитый и, конечно же, не-

медленно запрещенный спектакль «Дыхательное место» (о нем — может быть, лучшие страницы романа). Тогда он был молод, жил в коммуналке и мог, стоя у Мавзолея 6 ноября, распевать во все горло: «В городском саду играет духовой оркестр. В мавзолее, где лежит он, нет свободных мест». Он же придумал ритуал сожжения купюр со знакомым профилем на Воробьевых (тогда Ленинских) горах, как много позже публично сжег перед телеэкраном партбилет. Там блистал в «Женитьбе Фигаро» непогрязимый Миронов и спрашивал подругу: «Скажи, я не хуже Табакова играю?» Там были Рига, где пили коньяк с молоком и чувствовали себя свободными (ведь это был наш кусочек заграницы), упоминаясь фильмами и спектакли, комиссионки, где только и можно было одеться, танки в Праге и всеобщая бессильная ярость, встреча Нового года в Доме актера, где через столик от тебя сидели живые боги и пили шампанское (зато теперь на этом месте много магазинов и можно хорошо одеться), портрет Хемингуэя на кухне, под которым много пили и много говорили, там... мы были молодые. И, надо сказать, Егорова пишет про это ушедшее навсегда время по-настоящему талантливо.

Сложнее — с театральными страницами. Театр, как известно, с одной стороны — храм, с другой — мусоропровод (выражение Фаины Раневской). С одной стороны, «все шипят, толкаются, лезут! Лезут в репертуар — все хотят играть роли! Артистки! Цветы зла!», с другой — та же Егорова с искренней симпатией пишет о Марте Линецкой, многолетнем преданном завлече Театра сатиры, с восхищением — о таланте Марии Владимировны Мироновой, которая, между прочим, говоря по-житейски, поломала ей жизнь. В принципиальности автору не откажешь: «Японцы, ведающие тайным знанием, и «сообразили» театр «Кабуки» — без

женщин. Потому, что театр — гибель души, и женской — во сто крат быстрее, чем мужской. Они, японцы, берегут свою нацию, а мы — мордой в dust. Мы любим гибель!» И замечательно точно сказано о двух ипостасях жизни Андрея Миронова, да и любого большого артиста, когда на сцене он маг, медиум, черпает через ему одному ведомый канал энергию небес и делится ею с залом, а потом выходит из театра, вступает в бытовые, часто сложные и грубые, отношения с людьми, и на него «сыплется весь мусор обыденности». В книге этого «мусора обыденности» с избытком, но не из него ли родится райская музыка?

Но текст не вызывал бы такого доверия, если бы в нем не было главного: безусловной любви к человеку, которому посвящена книга. О ней, помимо всего, говорит и то, что десять лет после смерти Андрея Миронова бывшая возлюбленная была самым близким человеком для его матери. Описание последних лет жизни Марии Владимировны — не только активистки Дома актера или подруги Наины Ельциной, о чем знали все, но и беспомощной, несчастной, одинокой, с удивительной речью и не менее удивительным характером женщины, впечатляет едва ли не больше всего остального. Эта любовь стала главным содержанием жизни бывшей актрисы Тани Егоровой и сделала ее другим человеком. Она с обезоруживающей откровенностью делится этим опытом, что перевешивает все женские слабости автора.

Нина АГИШЕВА